

Научная статья
УДК 343.126.1:343.139(470)

Алина Леонидовна Ермакова
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия,
ermachokal@mail.ru

**СРОКИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ
НА ЭТАПЕ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация. В статье анализируются положения уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие длительность применения заключения под стражу после направления уголовного дела в суд. Такие проблемы, как отсутствие предельного периода судебного ареста по отдельным категориям преступлений, чрезмерная длительность первоначального применения принудительного механизма, отсутствие легитимного основания для продления дальнейшей изоляции при возвращении уголовного дела прокурору, требуют дальнейшего разрешения на нормативном уровне в целях формирования единообразной судебной практики.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, предельный срок, возвращение уголовного дела, суд, прокурор

Для цитирования: Ермакова А. Л. Сроки содержания под стражей на этапе судебного разбирательства // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. № 1 (21). С. 26–33.

Original article

Alina L. Ermakova
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia,
ermachokal@mail.ru

TERMS OF DETENTION AT THE TRIAL STAGE

Abstract. The article analyzes the provisions of the criminal procedure legislation providing for the duration of the application of detention after the referral of a criminal case to the court. Problems such as the lack of a maximum period of judicial detention for certain categories of crimes, the excessive duration of the initial application of the coercive mechanism, and the lack of a legitimate reason for extending further isolation when returning a criminal case to the prosecutor require further resolution at the regulatory level in order to form uniform judicial practice.

Keywords: preventive measure, detention, deadline, return of the criminal case, court, prosecutor

For citation: Ermakova A. L. Terms of detention at the trial stage // Society, law, statehood: retrospective and perspective. No. 1 (21). P. 26–33. (In Russ.)

Введение

В механизме процессуального принуждения меры пресечения представляют собой системообразующее, центральное звено [1, с. 23]. Они применяются к подозреваемому, обвиняемому и подсудимому, соответственно, в досудебном и судебном производстве

по уголовному делу. Как автор отмечал ранее в своих исследованиях, проблемность в длительности применения рассматриваемой меры можно проследить уже на первоначальном этапе ее избрания органом предварительного расследования [2, с. 286], однако в данной статье пристальное внимание бу-

дет уделено периоду содержания под стражей, исчисляемому с момента поступления уголовного дела в суд.

В уголовно-процессуальном законодательстве содержится ограничение на длительность содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, в то время как в отношении общественно опасных деяний остальной категории максимального периода ареста на стадии судебного разбирательства не предусмотрено. Санкционирующий орган по истечении 6 месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок изоляции, но только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца. Некоторые ученые согласны с современными законоположениями. Так, И. А. Самылина предполагает, что в силу уникальности каждого уголовного дела в законе нельзя установить единый срок процессуального принуждения для суда первой инстанции, поскольку в противном случае судебное производство было бы загнано в «прокрустово ложе» [3, с. 49].

Большинство процессуалистов имеют другую точку зрения на данную проблему. Например, В. В. Трухачев считает, что установление четких границ длительности мер пресечения окажет положительное влияние на эффективность судебного разбирательства и позволит правоприменителям более осознанно подходить к принятию решений, избегая неоправданных задержек. В противном случае на должностных лиц могут быть наложены дисциплинарные взыскания за несоблюдение требований законодательства [4, с. 450]. Е. В. Золотарь предлагает предусмотреть предельный срок содержания под стражей до постановления судом приговора – 1 год [5, с. 13]. Д. А. Долгушин занимает аналогичную позицию по ограничению продления изоляции по истечении 6 месяцев с момента поступления уголовного дела в суд не более чем на 6 месяцев [6, с. 193]. К. В. Муравьев констатирует, что предельные сроки применения особых средств уголовно-правового воздействия в

каждом случае должны быть меньше санкции уголовно-правовой нормы, и предлагает ограничить срок содержания под стражей половиной срока максимального наказания, которое предусмотрено для соответствующего преступления [7, с. 373].

Методы

В процессе исследования использовались общенаучные методы познания, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, сравнительно-правовой.

Результаты и обсуждение

Мы разделяем концепцию установления временных границ, поскольку закрепление в уголовно-процессуальном законе максимально возможного периода судебного применения любой меры обеспечительного характера в отношении подсудимых будет способствовать:

- уменьшению затяжных процессов и улучшению общего качества правосудия;
- обеспечению более упорядоченного и предсказуемого уголовного судопроизводства;
- реализации принципа «разумности» срока изоляции и, как следствие, привлечению к ответственности за его несоблюдение;
- созданию справедливой и «прозрачной» системы процессуального принуждения и повышения доверия общества к судебной системе.

Состояние неопределенности, в которое попадает лицо в силу отсутствия максимально возможного срока изоляции после поступления уголовного дела в суд, ставит под сомнение реализацию конституционного принципа неприкосновенности личности.

Так, в правоприменительной практике имеется решение, которым подсудимому Л. срок содержания под стражей был продлен на 3 месяца, а всего – до 50 месяцев. При этом суд принял во внимание отягчающие обстоятельства, обосновывающие дальнейшее применение изоляции от общества, а именно: совершение особо тяжкого преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических веществ, имеющийся ранее опыт отбывания наказания в исправительном учреждении, отсут-

ствии трудоустройства и прочных семейных связей¹.

Однако имеет ли место рассмотрение одних и тех же обстоятельств, подтверждающих необходимость применения самой жесткой меры пресечения, на протяжении более четырех лет? Можно предположить, что в течение такого длительного периода времени субъект расследования и суд зафиксировали все доказательства, подтверждающие причастность лица к преступлению. Что же касается опасений воспрепятствования рассмотрению уголовного дела, оказания давления на лиц, то механизм обеспечительных мер в уголовном судопроизводстве располагает еще как минимум одной мерой пресечения, связанной с изоляцией от общества и установлением дополнительных запретов, которые способствуют недопущению противоправных действий со стороны виновного. Следует констатировать, что в данном случае конкретные условия применения, например, домашнего ареста не были подвергнуты изучению.

Как показывает правоприменительная практика, органы правосудия с долей неохоты подходят к замене обеспечительных мер на более мягкие.

Так, Краснодарский краевой суд отменил постановление Ленинского районного суда в части продления срока домашнего ареста в отношении подсудимого и избрал меру пресечения в виде запрета определенных действий. Он пришел к выводу, что нижестоящий суд использовал в своем решении стереотипные формулировки об отсутствии оснований для изменения действующей обеспечительной меры, а также не рассмотрел ходатайство защитника, не дал собственную оценку приложенным к ходатайству документам, не привел конкретных обстоятельств, обосновывающих продление срока домашнего ареста, не обсудил вопрос

о возможности применения более мягкой меры пресечения. Таким образом, вышестоящий суд пришел к выводу, что интересы судопроизводства могут быть достигнуты с помощью менее суровой обеспечительной меры².

Следующим проблемным вопросом является то, что суды трактуют положения ч. 3 ст. 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «в свою пользу», используя в полной мере предоставленный им первоначальный шестимесячный срок для продления «стражной» меры пресечения, не прибегая к уменьшению данного периода хотя бы с целью пересмотра оснований обеспечительных мер и ускорения судебного разбирательства. Таким образом, полугодовое пребывание подсудимого под стражей после передачи дела в суд обосновывается в самом начале этого периода, однако в дальнейшем может не иметь никаких разумных оснований для ограничения свободы.

Так, в результате анализа 100 постановлений о продлении срока применения меры пресечения при поступлении уголовного дела в суд (среди системы федеральных судов России методом сплошной выборки за 2024 год с официального сайта судебных и нормативных актов Российской Федерации) установлено, что во всех без исключения случаях увеличение срока происходило сразу на 6 месяцев. Данный показатель говорит о том, что суды не следуют негласному принципу экономии процессуального принуждения и по собственной инициативе не уменьшают тот максимальный период изоляции, установленный законодателем. Складывается впечатление, что данный вердикт носит стандартный и автоматический характер, поскольку санкционирующий орган апеллирует сохранившимися основаниями со стадии предварительного расследования.

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 13 ноября 2023 г. по делу № 22-8314/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-462/2024 22-9506/2023 от 9 января 2024 г. по делу № 3/12-15/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

В соответствии с решением Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции отменены постановление Пресненского районного суда г. Москвы о продлении срока содержания под стражей на 6 месяцев и апелляционное постановление Московского городского суда, а также прекращено производство по ходатайству государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей. Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что в предыдущих решениях орган судебного контроля оправдывал длительные сроки предварительного заключения исключительно тяжестью потенциального наказания, не учитывал переход уголовного дела на другую стадию уголовного судопроизводства, не приводил подробную характеристику личности подсудимого, не обосновал угрозу побега или воспрепятствования правосудию¹.

На этапе судебного разбирательства может возникнуть ситуация возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, которая является отличной от поступательного, ординарного движения уголовного судопроизводства.

На основании мнения Конституционного Суда Российской Федерации, высказанного в п. 3.2 постановления № 23-П², можно утверждать, что при данном механизме материалы дела (после устранения препятствий его рассмотрения судом) изменяются, и их, соответственно, необходимо вновь предъявлять для ознакомления. Получается, что очередное продление срока содержа-

ния под стражей для ознакомления с новыми материалами дела (появившимися после возобновления следственных действий) даже после истечения 18-месячного срока в подобной ситуации признается законным. В своем решении Конституционный Суд Российской Федерации подтверждает ранее высказанную позицию о том, что возвращение надзорному органу материалов уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ действительно представляет собой «особую» процедуру, отличную от дополнительного расследования и имеющую свои принципиальные особенности и цели в контексте неразрывного уголовного судопроизводства. Соответственно, на нее не распространяется правило о 18-месячном предельном сроке изоляции³.

Орган конституционного контроля поставил точку в этом вопросе, закрепив, что положения ст.ст. 109 и 255 УПК РФ не предполагают включения времени содержания под стражей на стадии предварительного расследования в срок соответствующей меры пресечения на судебной стадии и наоборот. Таким образом, как верно отметила Т. В. Куряхова, данная неординарная процедура не подразумевает предельного ограничения изоляции, поскольку относится к «особому» судебному порядку и предполагает последующее возвращение уголовного дела от прокурора обратно в суд [8, с. 52].

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что при определении срока действия меры пресечения санкционирующий орган должен исходить из категории

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2021 г. по делу № 7У-732/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/65799364> (дата обращения: 30.11.2024).

² По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белькова Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 2001-О; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

«разумности» во избежание неоправданного содержания в изоляции от общества. Вместе с этим применение «размытых», не ограниченных временными рамками понятий не всегда находит однозначную поддержку и среди самих судей органа конституционного контроля. Так, судья Ю. М. Данилов придерживается мнения, что предельный срок содержания под стражей ни при каких обстоятельствах не должен превышать 18 месяцев даже в стадии возвращения уголовного дела прокурору. С его точки зрения, «...создавать путем конституционно-правового истолкования фактически новую норму, да еще и изменяя при этом свои ранее сформулированные позиции, воспринятые Верховным Судом Российской Федерации, вряд ли продуктивно». Ю. М. Данилов делает вывод, что сроки содержания обвиняемых под стражей становятся бесконечными, ограниченными только сроками давности привлечения к уголовной ответственности¹.

Судья С. М. Казанцев указал, что такая неопределенность правового регулирования порождает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения данных сроков, что не соответствует положениям Конституции Российской Федерации. Он подчеркивает, что обвиняемый «расплачивается» в таких случаях не за свое негативное поведение, а исключительно за «недостатки предварительного следствия», т. е. за ошибки своего «противника» – стороны обвинения².

Представители российской уголовно-процессуальной доктрины высказывают разное мнение по поводу анализируемого института. Некоторые ученые-правоведы негативно относятся к данной законодательной конструкции, считая, что предоставление суду полномочий продления периода пред-

варительного заключения сверх предельного в рамках возвращения уголовного дела прокурору является «возрождением» механизма дополнительного расследования [9, с. 597; 10, с. 14]. В то же время другие оценивают указания высшего конституционного органа положительно, хотя и отмечают, что данные правовые позиции могут привести к неоднозначным толкованиям в процессе правоприменения [11, с. 65; 12, с. 6].

В анализируемом Постановлении орган конституционного контроля пришел к неоднозначному выводу о том, что по обновленным правилам, применяемым к особому порядку движения уголовного дела, из ч. 5 ст. 109 УПК РФ исключается требование о необходимости предъявления материалов для ознакомления за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей. Такой вывод был сомнительно воспринят юридической общественностью [13, с. 66; 14, с. 69]. Мы, в свою очередь, также придерживаемся позиции, согласно которой рассматриваемый период должен быть соблюден без исключения на всех стадиях уголовного судопроизводства. Этот срок, безусловно, необходим обвиняемому и защитнику для ознакомления с новыми материалами, появившимися после устранения препятствий к судебному рассмотрению дела.

Пробелом в правоприменительной практике являются случаи, когда выделенного судом разумного срока содержания под стражей органу предварительного расследования оказывается недостаточно для устранения выявленных нарушений. Возникает ситуация, когда следователю необходимо продлить предельные сроки (6, 12 или 18 месяцев в зависимости от тяжести преступления) изоляции для завершения производства процессуальных действий и

¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю. М. Данилова относительно постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П по делу о проверке конституционности частей 3–7 статьи 109 и части 3 статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С. М. Казанцева относительно постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П по делу о проверке конституционности частей 3–7 статьи 109 и части 3 статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

направления уголовного дела обратно прокурору, однако закон не предусматривает дальнейшего увеличения по вышеназванному обстоятельству. Согласно опросу следователей¹, в такой ситуации они вынуждены «искусственно выходить» на ознакомление обвиняемого с фактически неоконченными материалами уголовного дела, чтобы иметь законное основание для продления предельного срока. Такую практику нельзя считать оптимальной и соответствующей закону, в связи с чем цели увеличения максимального периода изоляции подлежат дополнительной регламентации.

Интерес при решении данного вопроса представляет не только позиция и рекомендации органов расследования, но и опыт зарубежного нормативного регулирования. Так, при анализе уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан установлено, что после истечения шести- и двенадцатимесячного срока содержания под стражей (для составов, соответственно, небольшой, средней тяжести и тяжких преступлений) суд обязан изменить меру пресечения на более мягкую без возможности продления времени изоляции [15, с. 57].

По мнению А. П. Шереметьева, заслуживает внимания и предложение о возвращении к порядку, предусмотренному ч. 4 ст. 97 УПК РСФСР. В соответствии с ним судья выносил постановление о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела и направления прокурором дела в суд, но не более чем на 6 месяцев [16, с. 143].

Заключение

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным рассмотреть изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство:

– изложить ч. 3 ст. 255 УПК РФ в следующей редакции: «Суд, в производстве которого находится уголовное дело, по истечении 3 месяцев со дня принятия уголовного дела к своему производству судьей вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей. При этом продление срока содержания под стражей допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 2 месяца. Предельный срок содержания под стражей на этапе судебного разбирательства не превышает 12 месяцев по тяжким преступлениям и 18 месяцев по особо тяжким преступлениям»²;

– дополнить ст. 109 УПК РФ частью 8.4: «В случае, если следователю оказалось недостаточно срока содержания под стражей, определенного судом для устранения нарушений, препятствующих рассмотрению дела судом и возвращенного прокурору в порядке ст. 237 настоящего Кодекса, следователь вправе продлить срок содержания под стражей обвиняемого для завершения следственных и иных процессуальных действий, которые требуются для повторного направления уголовного дела прокурору и в суд. При этом необходимость устранения выявленных недостатков не может являться единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей».

Введение четких предельных сроков содержания под стражей в уголовно-процессуальном законодательстве представляется необходимым шагом для защиты конституционных прав граждан. Это не только устраним неопределенность и произвольность в судьбоносной субъективной категории «усмотрение судьи», но и создаст более справедливую и прозрачную систему механизма принуждения, что в конечном итоге повысит доверие общества к правосудию.

¹ При подготовке статьи проведено анкетирование 59 респондентов – следователей территориальных органов внутренних дел Калужской, Курской, Орловской, Рязанской областей.

² Такого мнения по результатам проведенного анкетирования придерживаются 53 % опрошенных судей, 69 % прокуроров и 88 % адвокатов Калужской, Курской, Орловской, Рязанской областей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булатов Б. Б., Муравьев К. В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 23–30.
2. Ермакова А. Л. Меры пресечения, связанные с изоляцией от общества: сроки применения и зачет в наказание // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2024. № 1. С. 285–289.
3. Самылина И. А. Разумные сроки в уголовном процессе // *Российская юстиция*. 2009. № 4. С. 48–52.
4. Трухачев В. В. Предельные сроки предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2012 (1). С. 445–453.
5. Золотарь Е. В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 17 с.
6. Долгушин Д. А. Осуществление судом контроля за законностью и обоснованностью избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу // *Теория и практика общественного развития*. 2010. № 4. С. 190–194.
7. Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2018. 505 с.
8. Куряхова Т. В. Особенности продления предельного срока содержания под стражей по возвращенному судом уголовному делу // *Законодательство и практика*. 2018. № 1. С. 51–54.
9. Корнуков В. М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 4. С. 597–602.
10. Хитрова О. В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования? // *Российский следователь*. М. : Юрист, 2013. № 21. С. 13–16.
11. Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Айсина Э. Р. Правовое положение осужденного при возвращении уголовного дела прокурору на стадии кассационного обжалования // *Legal Concept*. 2022. № 2. С. 60–67.
12. Загорский Г. И., Кобзарев Ф. М., Шалумов М. С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2020. № 38. С. 42–50.
13. Сидоренко М. В. Правовые позиции актов конституционного правосудия в контексте правила Plain Meanind Rule // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2018. № 1. С. 65–69.
14. Червоткин А. С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору // *Уголовный процесс*. 2016. № 5. С. 66–73.
15. Алекперов Р. Р. О применении заключения под стражу в Республике Беларусь и в законодательстве иных государств-участников Содружества Независимых Государств // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2020. № 2 (26). С. 51–58.
16. Шереметьев А. П. Об ограничении чрезмерной длительности уголовного судопроизводства и срока содержания обвиняемого под стражей // *Российский юридический журнал*. 2012. № 6. С. 141–145.

REFERENCES

1. Bulatov B. B., Muravyov K. V. Institute of preventive measures in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: development dynamics and improvement prospects // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 6. P. 23–30. (In Russ.)
2. Ermakova A. L. Preventive measures related to isolation from society: terms of application and crediting to punishment // *Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 1. P. 85–289. (In Russ.)
3. Samylina I. A. Reasonable terms in criminal proceedings // *Russian Justice*. 2009. No. 4. P. 48–52. (In Russ.)
4. Trukhachev V. V. Maximum terms of preliminary investigation and trial of criminal cases // *Bulletin of the Voronezh State University*. 2012 (1). P. 445–453. (In Russ.)
5. Zolotarev E. V. Current issues of applying detention as a preventive measure: abstract dis. ... Cand. of Law. M., 2006. 17 p. (In Russ.)

6. Dolgushin D. A. Implementation by the court of control over the legality and validity of the selection and application of preventive measures in the form of house arrest and detention // Theory and practice of social development. 2010. No. 4. P. 190–194. (In Russ.)
7. Muravyov K. V. Optimization of criminal proceedings as a form of application of the criminal law : dis. ... Doctor of Law. Omsk, 2018. 505 p. (In Russ.)
8. Kuryakhova T. V. Features of extending the maximum period of detention in custody in a criminal case returned by the court // Legislation and practice. 2018. No. 1. P. 51–54. (In Russ.)
9. Kornukov V. M. Conflict of Interests in Russian Criminal Procedure Law from the Perspective of Its Historical Development // Actual Problems of Russian Law. 2014. No. 4. P. 597–602. (In Russ.)
10. Khitrova O. V. Special Procedure for Moving a Criminal Case or Returning a Criminal Case for Additional Investigation? // Russian Investigator. M. : Jurist, 2013. No. 21. P. 13–16. (In Russ.)
11. Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Aisina E. R. Legal Status of a Convict When Returning a Criminal Case to the Prosecutor at the Cassation Appeal Stage // Legal Concept. 2022. No. 2. P. 60–67. (In Russ.)
12. Zagorsky G. I., Kobzarev F. M., Shalumov M. S. Selection of a preventive measure in the form of detention and the terms of detention: some theoretical and legal issues // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2020. No. 38. P. 42–50. (In Russ.)
13. Sidorenko M. V. Legal positions of acts of constitutional justice in the context of the Plain Meaning Rule // Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 65–69. (In Russ.)
14. Chervotkin A. S. Detention upon return of a criminal case to the prosecutor // Criminal Procedure. 2016. No. 5. P. 66–73. (In Russ.)
15. Alekperov R. R. On the use of detention in the Republic of Belarus and in the legislation of other member states of the Commonwealth of Independent States // Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (26). P. 51–58. (In Russ.)
16. Sheremetyev A. P. On limiting the excessive length of criminal proceedings and the period of detention of the accused // Russian Law Journal. 2012. No. 6. P. 141–145. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ермакова А. Л. – адъюнкт.

Information about the author:

Ermakova A. L. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 04.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 21.03.2025.